

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.84-92>

Свобода от интереса? Размышление об эстетике после кантовского юбилея

Шатунова Т.М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Обычно статьи, посвященные творчеству мэтра, пишутся в преддверии. Для автора данной статьи, напротив, юбилейные мероприятия и мысли оказались катализатором переосмысления в контекстах современных реалий и теорий одного устоявшегося в эстетике «кантовского» положения о бескорыстном наслаждении как специфике эстетического чувства и отношения человека к миру. Обнаруживается проблематичность применения этой позиции в эстетике Канта. В статье ставятся вопросы о смысловых связях идеи бескорыстного наслаждения как с эпохой Канта, так и с современностью. Актуальность анализа обусловлена сложившейся в наши дни ситуацией возможной значимой антропологической утраты – риска безвозвратной потери человеком исследуемой эстетической эмоции под давлением прагматических настроений в современном социуме. Цель статьи – обнаружение потенциалов противостояния подобным рискам как в эстетической теории, так и в эстетическом мироощущении современного человека.

Ключевые слова: Кант, социум, эстетика, бескорыстное наслаждение, незаинтересованное удовольствие, свобода от интереса.

Для цитирования: Шатунова Т. М. Свобода от интереса? Размышление об эстетике после кантовского юбилея. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(1(68):84–92.

Freedom from Interest? Reflections on Aesthetics after the Kantian Jubilee

Shatunova T.M.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. Usually articles devoted to the work of the maestro are written in anticipation. For the author of this article, on the contrary, the anniversary events and thoughts turned out to be a catalyst for rethinking, in the context of contemporary realities and theories, one well-established in aesthetics ‘Kantian’ position on disinterested pleasure as a specificity of aesthetic feeling and man's relation to the world. The problematic application of this position in Kant's aesthetics is revealed. The article raises questions about the semantic connections of the idea of disinterested pleasure both with Kant's epoch and with modernity. The relevance of the analysis is conditioned by the current

situation of a possible significant anthropological loss - the risk of irrevocable loss of the aesthetic emotion under the pressure of the dominance of pragmatic sentiments in modern society. The aim of the article is to discover the potential for countering such risks both in aesthetic theory and in the aesthetic worldview of modern man.

Keywords: Kant, society, aesthetics, disinterested pleasure, selfless delight, freedom from interest.

For citation: Shatunova T. M. Freedom from Interest? Reflections on Aesthetics after the Kantian Jubilee. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68): 84–92. (In Russ.)

Вкус есть способность судить о предмете
или о способе представления на основании
удовольствия или неудовольствия,
свободного от всякого интереса.
Предмет такого удовольствия называется
прекрасным.

Иммануил Кант. Критика способности суждения.

Введение

Бескорыстное наслаждение. Уже несколько столетий считается, что это самый главный признак эстетического как человеческого общественного отношения. Но так было не всегда. Если бы мы сказали, что статуи греческих богов созданы ради бескорыстного наслаждения, греки бы, наверное, нас убили. Иконописные лики создавались тоже отнюдь не ради бескорыстного наслаждения, а ради молитвы, сочувствия, Прощения.

Практически только в Новое время стало общепризнанным, что бескорыстное отношение человека к любому объекту, процессу, к самому себе является символом, печатью эстетического начала в мире. Так думал Н.Г. Чернышевский, автор диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Мы бескорыстно любим прекрасное, мы любимся, радуемся на него, как радуемся на милого нам человека...» [1, с. 59]. Российская традиция в целом, будучи наследницей немецкой классической эстетики, сохраняла эту идею бескорыстного любования, радости и наслаждения как специфики эстетического чувства

практически до настоящего времени. И всегда считалось, что это кантовская установка. Интересно, что Гадамер в программной статье «Эстетика и герменевтика» пишет о *незаинтересованном* наслаждении [2, с. 258], тогда как в большинстве русскоязычных текстов всегда для перевода использовалось понятие «бескорыстное». Что же касается самого Канта, это не совсем так. Открываем «Критику способности суждения» и ... не обнаруживаем в ней слова «бескорыстное».

Точнее, оно присутствует в тексте третьей «Критики», но по совершенно другим, этическим поводам. Как могло случиться, что Канту приписывается буквально аксиома: эстетическое есть бескорыстное любование, удовольствие, наслаждение, способность любоваться чистой формой, удовольствие свободное от всякого практического интереса, незаинтересованное удовольствие, неутилитарная польза. Получается, что такой смысл практически самой основной эстетической категории возник не сразу и не у самого Канта. Задачей статьи является прояснение этой смысловой трансформации понятия эстетического отноше-

ния, что, в свою очередь, оправдывает цель работы – предотвратить (хотя бы в дискурсе) возможность утраты современным человеком уникальной эстетической способности – испытывать бескорыстное удовольствие.

Методология

Поскольку речь идет о необходимости сопоставления историко-культурных смыслов одного из основных понятий эстетики, не обойтись без исторического анализа и сравнительного метода. Что касается социально-философской методологии, здесь, по-видимому, будет работать заявленный Ж. Деррида принцип исследования «приключения понятия», поскольку смысловые метаморфозы «свободы от интереса» не стоят последовательно в одну линию на полотне исторического развертывания эстетической мысли, а выстраиваются в определенный нелинейный и полихромный рисунок, в том числе не без помощи самого исследователя. Анализ этого рисунка позволяет выстроить на пространстве современной эстетики структуру и логику приключения большой эстетической и человеческой проблемы.

Результаты и обсуждения

Итак, вся «интрига» статьи состоит в следующем: как могло получиться, что в истории западноевропейской культуры и эстетики появилось и было приписано Канту понятие «бескорыстное наслаждение», в то время как сам Кант говорил о «незаинтересованном удовольствии», тем более что у него главным образом речь шла не о реальности, а о суждениях.

Отчасти на этот вопрос, совсем не имея в виду Канта, ответил Вальтер Беньямин [3, с. 27–29]. Дело в том, что творчество Канта пришлось на такое время, когда искусство уже перестало паразитировать на древе культа, стало свободным от влияния церкви, а от-

части даже и религии. Оно стало светским. Но оно еще не попало на рынок дешевой и массовой художественной продукции. Конечно, во все времена творение можно было продать/купить. Но это были отдельные, эпизодические ситуации, скорее, остаток средневековой формы духовного производства, а вот до массового производства-распределения-обмена-потребления капиталистического предпринимательского социума искусство еще не «дожило». Вот-вот, но все же пока еще не ... Кант встал в это «умное место» в истории искусства и эстетики, но не просто «встал»: он сам и *стал* этим Умным местом. Он *создал* его на пересечении, в переходе, в перекрестье двух тенденций. В жизни такие «умные места» сами, без людей, не складываются и не существуют. Кант своим философским творчеством как бы стянул обе тенденции в единое идейное поле, но не соединил, а заполнил некоторый скачок, переход в пространство свободы, которая еще не успела стать новой необходимостью (законы купли-продажи, конъюнктура рынка, формирование потребностей массового человека-потребителя и т.п.). В этом переходе, в Умном месте по имени Кант как раз и *собралась* идея бескорыстного любования, наслаждения, неутилитарной пользы.

В истории философии не часто говорят о таких «умных местах». Самый известный пример – научная и личная биография Маркса и Энгельса, которые, перейдя с позиции буржуазии на позицию пролетариата, в пространстве самого этого перехода отчетливо увидели структуру основного классового отношения классического капитализма. Это *видение* стало впоследствии идейной основой значимых практических действий масс и сложившихся из них исторических событий: мощных социальных движений, глобальных общественных перемен.

Естественно, «умное место» Канта уже в силу специфики своего предмета к таким радикальным сдвигам в социуме не могло и не должно было привести, но зато в области эстетики буквально началась новая эпоха. Причем началась она удивительным образом с некоторого почти произвольного допущения. Кантовские термины «благорасположение как свобода от интереса», «благосклонность» и «незаинтересованное удовольствие» отождествили с «бескорыстным наслаждением». Произошло это, по всей вероятности, в результате ряда смысловых сдвигов. Интерес стал пониматься главным образом как экономический, соответственно, незаинтересованность стала мыслиться за его пределами, т.е. оказалась «бескорыстной».

Итак, свобода от интереса. Но от какого? Вероятно, в первую очередь, от корыстного, прагматического. Именно отсюда растёт отождествление бескорыстного наслаждения и незаинтересованного удовольствия, та значимая перспектива развития Умного места «Кант», которая самим Кантом, опять же, не обозначена и не осознана. Такое отождествление поднимает эстетическое чувство на высоту пафоса, буквально сравнимую с пафосом религиозного отношения. И мы находим в далеком даже относительно Канта прошлом своеобразные аналоги, точнее, «предтечи» такого отношения. Например, у Эриугены, который утверждал бескорыстное отношение к любой красоте, но лишь потому, что это всегда от Бога, а к Богу можно относиться только бескорыстно [4, с. 292-293]. Это до сего дня очень значимая мысль, в жизни мало кто так может, все у Бога чего-то просят. А надо как-то совсем иначе. Однажды мальчик-шестиклассник писал сочинение на тему «Если бы я встретился с Богом...». Все одноклассники наперебой придумывали, что бы они у Бога попросили, некоторые хвастались успехами, а наш герой

написал одно предложение: «Если бы я встретился с Богом, я бы его попросил, чтобы он был».

Особой формой прагматического интереса всегда выступал интерес меркантильный, интерес купли-продажи. Конечно, этот интерес нередко затмевает красоту и эстетическую ценность вещи: как известно, торговец минералами «видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства ...» [5, с. 122]. А покупатель? Он уже хотя бы отчасти, хотя бы иногда покупает драгоценный камень не только ради престижа или каких-то других внешних относительно эстетики целей, но и потому, что уже видит эту красоту... Невероятным образом меркантильный мир все равно порождает эпифеномен эстетического вопреки своей товарно-денежной природе.

Однако если понимать эстетическое отношение как свободное вообще от всякого интереса, то возникает закономерный вопрос: может ли человек получать эстетическое впечатление, если ему не интересно? Кажется, нет, но тогда получается, что Кантовское определение эстетического не работает, причем оно не работает уже со времен самого Канта.

В то же время возможно, что всё предыдущее рассуждение – одна сплошная натяжка: действительно, ведь мы читаем книги или смотрим картину, кино – именно потому, что нам *интересно*? Все интеллектуальные, духовные удовольствия случаются, только если нам интересно. Однако Кант ни слова не говорит о наших реальных удовольствиях или интересах. Он судит только о суждениях. Эстетика реальности ему как бы не интересна, но ... в том же тексте постоянно встречаются положения другого порядка. Например, известная кантовская позиция, согласно которой красота того или иного человека выступает символом нравственной макси-

мы, на которую способны другие люди (не обязательно именно этот человек), а в пределе способно все человечество. «Прекрасное есть символ нравственно доброго», – известнейшая формула Канта [6, с. 375]. По сути, в качестве идеала Кант утверждает своеобразную нововременную «калокагатию», но на не-греческий манер: «Античная мысль о калокагии как единстве нравственно благого и эстетически прекрасного получает теоретическое обоснование: в человеке должны быть прекрасны и чувственная форма и духовное содержание, а это призвано поднять до нравственных высот саму жизнь человека» [7]. Обратим внимание: в этом пассаже речь идет не о суждении, а о сложных реальных нравственно-эстетических отношениях, идеальную форму единства которых выстраивает Кант. Или еще одно известное положение Канта: эстетическое суждение тогда доставляет нам удовольствие, когда опирается на целесообразность – чего? Кажется, уже реальности, природы вещей? Значит, под/за эстетическими суждениями все же стоит некоторая реальность? Кант лишь искусственно воздвигает стену между суждением и реальностью одной рукой, а другой – вольно или невольно – постоянно сам её разрушает, обращается к эстетике самой жизни.

Следовательно, мы не допустили в своем рассуждении никакой натяжки. Итак, Кант говорит о незаинтересованности эстетического суждения, о его практическом бескорыстии, о его *свободе от всякого интереса*. Что это значит? Иногда этот постулат понимали как требование полного равнодушия к выбору предмета изображения в искусстве. Но такое понимание Канта ошибочно. Он считает специфическим для суждения вкуса равнодушие не к тому, *каков предмет*, а равнодушие к вопросу: *существует ли в реальности предмет, изображенный в произведении искусства?* (Например, существо-

вал ли живой прототип, прообраз персонажа литературного произведения или же он только порождение художественного *вымысла*?) Мысль Канта состояла в том, что не важно само по себе существование (или несуществование) предмета (или героя), важна способность *изображения* – и в случае, если предмет (герой) существует, и в случае, если он не существует, – доставлять чувство удовольствия. И в этом Кант, безусловно, прав. Просто современному читателю это представляется самоочевидным, что и понятно: современный человек прошел всю школу истории снижения прямой предметной миметичности искусства. Особенно это касается современного, нефигуративного искусства. Какие у него аналоги в жизни? Не-вещественные, не-телесные, не-предметные ... [см.: 8, с. 320, 391]. Однако в этой «нефигуративности» имплицитно заложена тенденция утраты способности видеть красоту существующего. Из «неважно, существует или нет», выбирается несуществующее, что по определению считается лучшим: гиперреальность – больше и лучше, чем реальность. И чувство красоты мира как такового (кстати, независимо от того, смотрю я на него или нет!) перестает быть ценностью.

Остается лишь понять, почему Кант так сильно против «интереса», заинтересованности. Сам он объясняет это тем, что «всякий интерес предполагает потребность или порождает ее и в качестве определяющего основания нашего одобрения не позволяет суждению о предмете быть свободным» [6, с. 211]. Здесь все верно: если за свое суждение о необходимости присудить художнику премию эксперт ожидает получить «откат», то его суждение никак нельзя назвать свободным от интереса, и откат он может получить, а эстетическое удовольствие при этом – под вопросом. Остается неясным, неужели эстетика великой немецкой классики должна была всерьез заниматься подобными

вещами. В ответ на этот вызов Умное место по имени Кант развернулось во многих направлениях, оказалось больше своего создателя и стало жить самостоятельной жизнью, открывая множественные перспективы развитию мировой эстетической мысли: эстетическое перестало быть просто областью суждений, как у самого Канта, оно обнаруживалось везде и последовательно обретало онтологический статус: уже у Гегеля искусство, эстетическое отношение и впечатление стали выполнять онтологически-метафизические и антропологические задачи: «Искусство нежными руками освобождает человека от природной зависимости и поднимает его над ней»...» [9, с. 55]. И это только первый шаг: потом искусство будет поднимать человека уже над его собственной природой, формируя каждый раз его новые антропологические характеристики, о-естествляя их и совершенствуя тем самым собственную природу человека.

У Ф. Ницше мир и бытие получали оправдание только как эстетический феномен [10, с. 155]. У М. Хайдеггера самым надежным способом полагания истины бытия было признано художественное творение: «Поскольку сущности истины принадлежит устройство вовнутрь сущего и только так истина становится истиной, в сущности истины заключено влечение к творению как выдающейся возможности стать истиной, сущей среди сущего» [11, с. 297]. М.К. Мамардашвили написал целую книгу об эстетике мышления как об онтологическом процессе [12]. Список можно продолжать.

Эстетика стала онтологической. Ее положения: истина не ради каких-то внешних целей, а ради себя самой, она бескорыстна и потому эстетична; красота есть, и она тоже может быть ни зачем, для себя самой и для нас. Позволим себе одну филологическую шутку: «для» – не предлог, а деепричастие от глагола «длить». Тогда красота «для

нас» – это чтобы мы длились. И это всё. Точка. И искусство, конечно же – ради самого искусства. Здесь закончилось Просвещение: у искусства перестали искать функции, а Кант стал последним философом Просвещения и первым философом, основателем немецкой классики. Не только в сфере теории познания и этики, но также и в эстетике.

Однако сейчас это «умное место» в истории искусства и эстетики, которое в свое время создал Кант, ушло в далекое прошлое. Сегодня все существует, происходит и делается *для чего-то*, ничто не *просто так*. Тогда кантовское «незаинтересованное и свободное удовольствие» на почве современности снова не работает?

Когда в эстетику Канта, в эстетику суждений вдохнули совсем другие смыслы (эстетика в реальности, в жизни и в бытии), стало очевидно, что этот чистый бескорыстный взгляд возможен только там, где *интересно*, и никак иначе. Эта ситуация современности не лучше и не хуже, чем кантовская. Просто она другая и, соответственно, порождает новые вопросы. Что сегодня значит «интересно»? Луна-парк с комнатой ужасов для детей и квест для взрослых – это ведь тоже в каком-то смысле интересно и для посетителей даже вполне бескорыстно. А уж как интересно, когда вашу прабабушку на старинной фотографии XIX века искусственный интеллект учит улыбаться и кивать вам головой! И все же что-то здесь не так, не по-кантовски. Не-возвышенный ужас в комнате страха и кунштюк, фокус игры искусственного разума как-то не дотягивают до кантовской эстетики. В этом смысле философ-классик продолжает свою работу – стоит на страже нормального, высокого эстетического чувства: «... из всех ... видов удовольствия лишь удовольствие от прекрасного есть незаинтересованное и свободное удовольствие» [6, с. 211]. Сегодня от эстетики Канта расходятся лучи в самых раз-

личных направлениях, и читается Кант сегодня очень по-разному. И разве не заслуга современной, неклассической эстетики, что она вдохнула новые смыслы в классическую кантовскую, «вчитала» в нее красоту материального мира, эстетическую природу бытия, открыла новые перспективы? Кант неожиданно оказался весьма податлив к новым онтологическим смыслам современной эстетики. И случилось чудо: на поле онтологической эстетики, на пространстве эстетики жизни и бытия кантовская «свобода от интереса» соединилась с логикой бескорыстия и ... заработала!

Сегодня Кант попадает в забавную ситуацию, хорошо известную русской революционно-демократической критике в лице Белинского и Писарева, а также представителям философии постмодерна: не важно, что он сказал, важно, что сказало¹. А сказало следующее: эстетическое – отношение ко всему как к самоценности и самоцели, свободное от практического (прагматического) интереса, бескорыстное отношение к чему/кому-либо на самом деле есть *отношение самого, может быть, главного интереса*.

А если все же читать Канта в современности буквально, то ситуация, когда уже совсем нет места интересу – это трагическая ситуация смертельно раненого солдата, когда он знает, что это всё, больше уже ничего не будет. Это момент единства места, времени и действия, когда не только будущего, но и прошлого нет. Это практически невозможный момент сосредоточения на настоящем, на том, что есть здесь и сейчас. И если человек в этот момент имеет силы и мужество смотреть, слушать

и мыслить, то возвышает ситуацию до трагизма, потому что именно этот последний взгляд открывает все самые простые и одновременно глубинные смыслы в их абсолютной непреложности и бескорыстности. Кажется, первым это понял Лев Толстой или его герой князь Андрей Болконский, раненым вдруг увидевший высокое бесконечное небо Аустерлица, когда ничего и нигде для него уже просто не существовало, «ничего, кроме этого бесконечного неба». И потом, еще раз, уже смертельно раненный на Бородинском сражении: «“Неужели это смерть?” думал князь Андрей... “Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...”» [14, с. 223]. Э. Соловьев, исследователь творчества Э. Хемингуэя, не случайно назвал свой очерк о нем «Цвет трагедии белый». Джейк Барнс, герой «Фиесты», в своем взгляде на жизнь очень на князя Андрея: «Восприятие Джейка Барнса постоянно остается на уровне катарсиса, который обеспечивала война. Каждую вещь и каждое событие он умеет видеть так, как увидел бы ее солдат, находящийся на грани гибели. Джейк живет в сознании незаместимой ценности мгновения: в любую минуту мир существует для него «в первый и последний раз» – так, словно он поставил перед собой задачу удержать каждое переживание для вечности и умереть с ним» [15, с. 262].

На такой основе эстетика из теории прекрасного, какой она была в эпоху начатой Кантом классики, становится эстетикой трагического. Вот что, в частности, как мне представляется, сказало в одной из возможных версий современного прочтения Канта. С Кантом классическая эстетика прекрасного заканчивается, хотя она еще почти не начиналась, и наступает эпоха уже совсем другой эстетики – эстетики трагического. Точнее, трагического оптимизма.

¹ См., например: Писарев Д.И. Базаров: «Создавая Базарова, Тургенев хотел разбить его в прах и вместо того отдал ему полную дань справедливого уважения. Он хотел сказать: наше молодое поколение идет по ложной дороге, и сказал: в нашем молодом поколении вся наша надежда» [13].

Список литературы / References

1. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности (диссертация) / Н.Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. В трех томах. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1950. – с. 53-166.
- Chernyshevsky N.G. Aesthetic relations of art to reality (dissertation) / N.G. Chernyshevsky. Selected philosophical works. In three volumes. - Vol. 1. - М.: Gospolitizdat, 1950. – P. 53-166 (In Russ.).
2. Гадамер Г.Х. Эстетика и герменевтика / Г.Х. Гадамер. Актуальность прекрасного: [пер. с нем.]. – М.: Искусство, 1991. С. 256-265.
- Gadamer G.H. Aesthetics and hermeneutics / G.H. Gadamer. [translated from German]. – Moscow: Art, 1991. – P. 256-265 (In Russ.).
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Немецкий культурный центр имени Гете. – М.: МЕДИУМ, 1996. – С. 15-65.
- Benjamin W. The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility. Selected Essays. Goethe German Cultural Centre. – М.: MEDIUM, 1996. – P. 15-65 (In Russ.).
4. История эстетической мысли. В 6-ти т. Т.1. Древний мир. Средние века в Европе. – М.: Искусство, 1982. – 464 с.
- History of Aesthetic Thought. In 6 vols. Vol. 1. The Ancient World. Middle Ages in Europe. – Moscow: Art, 1982. – 464 p. (In Russ.).
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.: [Коммунизм] / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 113-127.
- Marx K. Economic-Philosophical Manuscripts of 1844: [Communism] / K. Marx // Works / K. Marx, F. Engels. - 2nd ed. - М.: Izdvo Polit. lit., 1974. - T. 42. - P. 113-127 (In Russ.).
6. Кант, Иммануил. Критика способности суждения. / Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – 364 с.
- Kant, Immanuel. Critique of the faculty of judgement. / Immanuel Kant. Works in six volumes. V. 5. – Moscow: Mysl, 1966. – 364 p. (In Russ.).
7. Нарский И.С. Актуальный Кант ныне <https://kant300.kantiana.ru/articles/igor-narskiy-ot-vzaimoprotivopostavleniya-k-edinstvu-osnovnye-tendentsii-ucheniya-kanta-o-prekrasnom> (дата обращения 19.01.2025).
- Narsky I.S. Actual Kant Nowadays <https://kant300.kantiana.ru/articles/igor-narskiy-ot-vzaimoprotivopostavleniya-k-edinstvu-osnovnye-tendentsii-ucheniya-kanta-o-prekrasnom> (accessed 19.01.2025). (In Russ.).
8. Бычков В.В. Эстетика: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 2020. – 452 с.
- Bychkov V.V. Aesthetics: Textbook for universities. – Moscow: Academic Project, 2020. – 452 p. (In Russ.).
9. Гегель Г. В.-Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – XVI, 312 с.
- Hegel G. W.-F. Aesthetics. In 4 vol. T. 1. – Moscow: Art, 1968. – XVI, 312 p. (In Russ.).
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Стихотворения. Философская проза / Ф. Ницше. – СПб.: Художественная литература, 1993 – С. 130-249.
- Nietzsche F. Birth of tragedy from the spirit of music // Poems. Philosophical prose / F. Nietzsche. - SPb.: Khudozhestvennaya Literatura, 1993 – P. 130-249. (In Russ.).
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 264-313.
- Heidegger M. The Origin of Work of Art / M. Heidegger // Foreign Aesthetics and Theory of Literature of XIX-XX centuries: treatises, articles, essays. – Moscow University Press, 1987. - P. 264-313. (In Russ.).
12. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 414 с.
- Mamardashvili M.K. The Aesthetics of Thinking – Moscow: Moscow School of Political Research, 2000. – 414 p. (In Russ.).
13. Писарев Д.И. Базаров. <https://ilibrary.ru/text/4549/p.5/index.html> (дата обращения 25.02.2025).

Pisarev D.I. Bazarov. <https://ilibrary.ru/text/4549/p.5/index.html> (accessed 25.02.2025). (In Russ.).

14. Толстой Л.Н. Война и мир. Т.3. Часть 2. Гл. XXXVII / Л.Н. Толстой. Собрание художественных произведений. Т. 5. – М.: Правда, 1948. – 351 с.

Tolstoy L.N. War and Peace. Vol. 3. Part 2. Chapter XXXVII / L.N. Tolstoy. Collected Works of Art. T. 5. - Moscow: Pravda, 1948. – 351 p. (In Russ.).

15. Соловьев Э.Ю. Цвет трагедии белый / Эрих Соловьев. Прошлое толкует нас: очерки по истории и философии культуры / Э. Ю. Соловьев. – М.: Политиздат, 1991. – 430 с.

Solovyov E.Y. The colour of tragedy is white / Erich Solovyov. The past interprets us: essays on the history and philosophy of culture / E. Yu. Soloviev. - Moscow: Politizdat, 1991. – 430 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Шатунова Татьяна Михайловна, докт. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 72657; ORCID ID 0000-0002-9133-2750; Scopus Author ID 56933802600; Web of Science Researcher ID P-7326-2015, e-mail: shatunovat@mail.ru

Information about author

Shatunova Tatiana Michailovna, Doctor of Philosophy, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 72657; ORCID ID 0000-0002-9133-2750; Scopus Author ID 56933802600; Web of Science Researcher ID P-7326-2015, e-mail: shatunovat@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.
Received 07.03.2025; Accepted 20.03.2025.